

Ходульная истина

Польский уличный театр в Петербурге

гастроли театр

В рамках Дней польской культуры в Петербурге польский театр «Бюро путешествий» показал в Александровском парке уличный спектакль «Carmen funebre». Комментирует ЕЛЕНА ГЕРУСОВА.

«Бюро путешествий» выстроило свои железные башни в Александровском парке на площадке рядом с «Балтийском домом», между планетарием и казино. В Петербург труппа режиссера Павла Шкотака при-

везла спектакль «Carmen funebre» впервые. Но работа эта далеко не новая, «Бюро путешествий» возит его по миру с начала 90-х годов и уже показывало в Москве. Сами актеры говорят, что «Carmen funebre» («Печальная песнь») появился как реакция на межэтнические конфликты 90-х годов и особенно на войну в Боснии. Спектакль можно назвать и антивоенным. Но поскольку это не агитка, а скорее притча, рассказанная языком площадного театра, определение будет слишком пла-

катным. Речь в нем идет не столько о войне и мире, сколько о зле в отсутствии добра.

Прежде всего спектакль пробуждает в случайном уличном зрителе сочувствие к такому же простому маленькому человеку, абсолютно незащитному в столкновении с нечеловеческой силой зла. За маленькими людьми охотятся макабрические стражи двух железных башен, они выхлестывают актеров из толпы кожаными плетками. Стражи — две высоченные, похожие на людей, но все же не-

человеческого вида фигуры. Актеры «Бюро путешествий» используют очень высокие ходули, в три метра высотой. Пластика получается жутковатая.

Дети очень быстро начинают сопереживать несчастным жертвам. Кричат, чтобы те бежали и прятались. Но маленьких людей загоняют за железные ворота, которые за просто могут оказаться и средневековой тюрьмой с камерой пыток, и концлагерем, и просто каким-то фантастическим замком. Тот, кто командует за эти-

ми воротами, не терпит обычной, даже самой скудной жизни: кипящего на буржуйке смешного чайника, вывешенной на просушку рубашки. Все эти пехитрые приметы быденной жизни должны быть сразу же растоптаны. А людей расстреливают, сжигают, унижают и сажают в клетки. Потом куражившиеся над ними солдаты танцуют на ходулях свой печальный танец, теперь они и сами инвалиды, и просят милостыню. В «Carmen funebre» каким-то особенным

Коммерсантъ, — 2003 — 29 июля. — с. 14.

польским образом соединяются на фоне абсурда происходящего покорность и гордость, безысходность и воля жить. Маленькие люди запускают в небо крошечные бумажные домики, привязанные к воздушным шарикам. Потом из ворот железной башни появляется Смерть. Огромная, пятиметровая, очень худая фигура в фиолетовом балахоне, с железной телегой, на которой хватит места для всех. Раскидав свои вилами чьи-то платья, вытоптав землю, она скрывается

за воротами. Пылают костры из одежд, звучит «Лакримоза», на башнях актер и актриса в черных пальто изо всех сил бьют в колокола.

Никаких нравственных, философских и даже художественных открытий в «Carmen funebre» нет. Да, любое насилие есть зло, и оно иррационально. Да, маленький человек беспомощен перед ним, но оно должно быть им остановлено. Победы добра над злом «Бюро путешествий» зрителям не только не обещает, но даже не показывает.

Однако заставляет случайного уличного зрителя сочувствовать. И просит о помощи. Делает это просто и по древним законам уличных актеров, используя живой огонь, тревожащий звук и ходули. Никто из зрителей не уходит до конца спектакля, хотя многие пришли в Александровский парк просто купить сахарной ваты и прокатиться на попи. А если уличному театру удастся удержать зрителя уж совсем не веселым представлением — значит, все у него получилось.